

Эла Знаменская
z.n.t@mail.ru

ДВОЕ НА ПУНКТЕ, НЕ СЧИТАЯ ЖУРНАЛИСТА

Главное открытие этого дня для меня — осознание того, что мы с участковыми инспекторами вместе живём похожими проблемами и мироощущение у нас во многом схоже

Фото Анастасия Смирнова

Анастасия Григорьева
grigoryevaa@mail.ru

НЕ ВСЕ ЭТО ВЫДЕРЖАТЬ МОГУТ

ПОРАБОТАВ ОДИН ДЕНЬ ТЕНЬЮ
УЧАСТКОВЫХ, Я ПОНЯЛА:
НАДО ЧАЩЕ ВСТРЕЧАТЬСЯ

Опорный пункт на пл. Московская — три комнаты для двух участковых инспекторов. До превращения милиции в полицию штат состоял из 7 человек, сейчас должно быть пять, а по факту на страже закона стоят два участковых — Роман Шалдин и Игорь Романцов.

В помещении полиции всё чисто и аккуратно, немногочисленные бумаги разложены на столе. Вкупе с аквариумом создаётся ощущение, что находишься в кабинете психоаналитика — все располагает к доверительному разговору. И только большой портрет «железного Феликса» на стене предупреждает о том, что расслабляться нельзя. Мы с Игорем Романцовым пошли в дневной дозор по вверенной территории. По дороге обсуждали нашу действительность, которая у нас общая: глобальные национальные проекты и не менее глобальная нищета старшего поколения: мама Игоря Романцова — заслуженный работник культуры РФ, она получает около 8000 рублей в месяц; такая же пенсия и у моей бабушки. Игорь поделился со мной беспокойством, что после Олимпиады собираются заморозить повышение зарплат. Я его успокоила: депутаты Госдумы уже подстраховались и зарплату себе повысили почти вдвое. Перешли на квартирный вопрос, который испортил людей, что подтвердилось на практике во время разбора заявлений граждан. Для Игоря проблема с жильём — насущная тема: он с женой и тремя детьми проживает в одной из комнат в трехкомнатной квартире. Приехал из Смоленска, где окончил педагогический институт, служил в военной части, а последние пять лет — участковый. На вопрос, почему не стал работать по специальности, учителем физкультуры, Романцов застенчиво ответил: «Всегда мечтал ходить в форме». Москвич Роман Шалдин также назвал достаточно архаичный мотив выбора работы: «Всегда хотел Родину защищать». В Жуковский переехал 7 лет назад, после окончания строительного института. Родители и братья живут в Москве, а здесь много друзей ещё с институтских времён. Опорный пункт соединил этих двух достаточно разных людей: закрытого Романа, который слово говорит, а два — в уме, и более общительного Игоря. И работа — одна на двоих: с ненормированным графиком, что называется, «на передовой», в постоянном контакте с людьми. Они привыкли и работали, даже тариф на мобильных телефонах установили, при котором звонки друг другу бесплатные, иронично называют его «первый полицейский». График с выходом на суточные дежурства и одним условным выходным в неделю выматывает. Игорь говорит, что семья сначала была очень недовольна, но потом привыкли. Роман уверен,

что близкие давно свыклись с такой спецификой его профессии.

Меня интересовал вопрос о настроениях общества, особенно усилились ли националистические настроения за последнее время, тем более после ситуации в Бирюлёво. Игорь считает, что общество в целом эта ситуация не сильно затронула, гораздо больше проблем возникают из-за бытовых отношений. У людей в жизни просто нет места национализму, их жизнь заполняют свои частные бытовые проблемы, которых не видит общество, но которые ближе и важнее для каждого человека. А вот футбольные фанаты стали вести себя ещё более агрессивно: «На выходных был на футбольном матче в Раменском, и если раньше трибуны были заполнены флагами с символикой команд, то сейчас много баннеров про Бирюлёво с сомнительными лозунгами». Роман перевёл обсуждение в философскую плоскость: «Национализм в России — понятие парадоксальное, мы же многонациональная и многоконфессиональная страна». Сходимся в одном: в любой нации есть представители, которыми стоит гордиться, и те, за которых стыдно. Игорь при этом высказывает предположение, что скоро количество мигрантов уменьшится по не зависящим от нас причинам: «Я со многими мигрантами разговаривал, они говорят, что у них в странах начинается инфраструктура отстраиваться — и они планируют вернуться домой».

В разговорах об общих проблемах государства мы дошли до адреса по первому заявлению и окупились в сугубо частные проблемы, с которыми приходится разбираться участковым. И тут жизнь открылась в многообразии красок. Жители дома по улице Чкалова неоднократно обращались с заявлениями на своего соседа: алкоголик дебошир вместе со своей подругой, наплевав не только на этические рамки, но и на закон о тишине, веселится шумно и агрессивно, недавно выломал дверь в коридоре. При этом жизненные циклы у соседей и семьи алкоголиков катастрофически не совпадают: соседи работают днём и пытаются спать ночью, а у дебошира день начинается вечером. При этом на претензии со стороны соседей он реагировал бурно, грозился найти тротил и взорвать. Игорь Романцов опросил соседей, оставил телефон дежурной части, — это единственное, чем можно помочь, так как «неблагополучный пассажир» является собственником квартиры. Решили зайти к нарушителям спокойствия и выписать протокол об административном нарушении. Дверь открыла дама, видимо, давно забывшая о своём женском облике. При этом в руке она держала тесак. Я начала искать глазами какой-нибудь пред-

мет для самообороны, но Игорь силой слова заставил её разоружиться. Произошёл разговор, достойный Зоценко:

— Где хозяин квартиры?

— Ушёл.

— Вы его сожительница?

— Чего это? Мы уже 12 лет любим друг друга.

— У вас штамп в паспорте есть?

— А, нет.

Следующее заявление открывало перед нами уже не общественный, а семейный конфликт: отец и дочь имеют в долевой собственности квартиру, но родственных чувств друг к другу не испытывают. В один прекрасный момент, когда отец ушёл по делам, дочь врезала в дверь новый замок. Отец вызвал МЧС и взломал дверь, после чего собственное чадо написало на него заявление в полицию. Однако с участковыми разговаривать отказывается, требует повестку. В квартиру не пустила под предлогом того, что спит ребёнок, обещала прийти сама.

Третий заявитель, к которому нам удалось попасть только при помощи соседей, вообще отказался разговаривать о своих проблемах. Сначала он написал заявление, что его на улице избил неизвестный, потом подал заявление, что претензий к неизвестному не имеет. На наши вопросы реагировал с олимпийским спокойствием, повторяя одну и ту же фразу: «Я не намерен ничего говорить». Разговор слепого с глухим продолжался минут пять и ничем не закончился. Вернувшись на опорный пункт, Игорь сел за оформление документов, а я своими вопросами мешала делать то же самое Роману Шалдину. Поделилась увиденным, спросила, как же можно помочь соседям алкоголиков. Выяснилось, что практически ничем: вырезатели упразднили, забрать на 15 суток можно только в случае, если алкоголик начнёт публично ругаться матом, и алкоголик это знает, поэтому ругается исключительно на своей жилплощади. И даже если полицейские накроют где-нибудь в публичном месте тёплую компанию за бутылкой водки, на них оформляется протокол, после чего застолье можно продолжить.

Главное открытие этого дня для меня — это осознание того, что мы с участковыми инспекторами вместе живём похожими проблемами и мироощущение у нас во многом схоже. И, когда мы оказываемся по разную сторону баррикад, например в цаговском лесу или в районе Наркомвода, мы все не перестаём быть жителями Жуковского, это разделение идёт сверху намеренно, по принципу «разделяй и властвуй». Я это поняла сегодня, а когда это поймут сами сотрудники полиции, я уверена — страна изменится.

Современное общество «своим бездействием приближает триумф полицейского государства», — объяснил питерский художник Петр Павленский и пригвоздил свои гениталии к брусчатке в центре Москвы. Так он «отметил» День полиции 10 ноября. Пока Павленский вынашивал идею с повреждением своих органов воспроизводства, Органы внутренних дел готовили акцию, которая лично меня удивила не меньше своеобразным «обнажением» кухни работы участковых уполномоченных полиции. Для этого надо было заполнить анкету, пройти инструктаж и явиться 13 ноября на участковый пункт. Переступая порог участкового пункта на Гагарина, 22, не ожидая грядущего гостеприимства и того, что я бесповоротно попаду под обаяние тех, к кому еще полтора года назад на просеке в цаговском лесу испытывала неприятельские чувства.

Языковедение

Два участковых пункта совмещены в обычной четырехкомнатной квартире на первом этаже. Зона ответственности — вся Ильинка, Пятый микрорайон и еще несколько улиц. Застать за работой удалось четверых: старших лейтенантов Николая Митрайкина, Юрия Паршина и Антона Бубнова (под вечер вернувшегося из командировки в Бирюлево) и майора полиции Николая Епинина. Их коллега Константин находился в краткосрочном отпуске. Старые занавески, скрипучий пол, разошедшиеся деревянные рамы, которые ребята сами заклеивают скотчем на зиму (чтобы не дуло) и шуточные надписи в туалете, которые цитировать здесь не буду (чтобы не оскорбить читательской добротели).

«А у Антона Бубнова кабинет уютней, чем у вас, — пытаюсь наладить контакт с Николаем Митрайкиным. — Почему у вас на стене висит фото жены с ребенком, а у Бубнова — портрет Путина с Медведевым?» «Наверное, потому, что Бубнов не женат», — улыбается Николай и углубляется в ворох документов. Раздается телефонный звонок. Жительница д. 15 по ул. Мичурина просит проверить кв. 80, в которой «по вечерам дебоширят нелегалы». Едем «в адрес», как говорят в полиции. Николай не пристегивается. Пока докапываюсь почему, подходим к подъезду, из которого как раз выходят двое представителей Узбекистана. У одного документы есть, второй — пуст. Идем вместе с ними в кв. 80. Там еще двое. Без разрешения на работу и регистрации. «Двоих придется выдворять из страны», — говорит Николай, когда мы уже шестером спускаемся вниз. Уже на пункте полицейский фотографирует нелегалов на свой телефон, скидывает фото на компьютер и заполняет анкеты на депортацию. «Считай, в один адрес вышли — полдня пропало. А бу-